
Серия "Литературные памятники" Иннокентий Ф. Анненский, М., "Наука", 1979
OCR Бычков М.Н.

Статья из ["Второй книги отражений", 1909 г.](#)

Достоевский в художественной идеологии

П. П. Митрофанову {1}

Метафора расцвета как-то вообще мало вяжется с именами русских писателей. Да и в самом деле, кто скажет, что Лермонтов или Гаршин ушли, не достигнув расцвета, или о восьмидесятилетнем Льве Толстом что он его пережил? Все наше лучшее росло от безвестных и вековых корней.

К Достоевскому особенно неприменимо слово расцвет. Может быть как раз в "расцвете" он считал острые пали {2}.

Но есть и в творчестве этого романиста поворот; только это не каторга, а 1866 год, когда вышло в свет "Преступление и наказание". Как раз в этом романе впервые мысль Достоевского расправила крылья. Из толчеи униженных и оскорбленных, от слабых сердец и прохарчинских бунтов, от конурочной мечты и подпольной злобы писатель выходит в сферу – или, может быть, тоже толчею? – высших нравственных проблем. Именно к этому времени настолько перегорели в его душе впечатления тяжелого опыта, что он мог с художественным беспристрастием волновать читателей идеями правды, ответственности и искупления. Ни раньше, ни позже 1866 года Достоевский не был и тем чистым идеологом художественности, который создал "Преступление и наказание".

Правда, там есть и Лужин, и Лебезятников, но мысль, давняя злобная мысль подполья, еще не успела вырастить из этих зерен белены Карамазовых.

В косой желтой комнате, правда, уже читают о воскрешении Лазаря, но Алеша Карамазов, пожалуй, еще даже не родился, а Дунечка только грозит развернуться в Настасью Филипповну. В романе есть ужас, но еще нет надрыва.

Как роман "Преступление и наказание" по своей художественной стройности остался у своего автора непревзойденным. В нем есть настоящее единство, в нем есть не только сжатость, но и центр. И начало в нем есть, и конец, и притом эти части изображены, а не просто передаются летописцем. Мучительному нарастанию июльской недели {3} не помешали скучные отступления "Подростка" и "Карамазовых"; и роман не загроможден, подобно "Идиоту", вставочными сценами, в которых драма так часто у Достоевского не то что получала комический оттенок, а прямо-таки мешалась с водевилем. Наконец, роман этот не поручается и одному из тех излюбленных Достоевским посредников, которые своей очевидной ненужностью местами компрометировали даже "Бесов". Правда, и в "Преступлении и наказании" есть тоже посредник – таков был, верно, фатум Достоевского, – но он мотивирован и как действующее лицо, и притом мотивирован превосходно.

Из романов Достоевского "Преступление и наказание", безусловно, и самый колоритный. Это – роман знойного запаха известки и олифы, но еще более это – роман безобразных, давящих комнат.

Я читал где-то недавно про Льва Толстого, как он рассказывал план нового своего рассказа.

Женщина, стыдась и дрожа, идет по темному саду и где-то в беседке отдается невидимым жарким объятиям. А кончив отдаваться, на обратном пути, когда от радости осталось только ощущение смятого тела, вдруг мучительно вспоминает, что ее видел кто-то светлый, кто-то большой и лучезарно-белый 4.

На фоне этой лучезарной совести, символ которой возник где-нибудь на луговом просторе или в таинственных лощинах, хорошо выделяется колоритный символ той же силы в "Преступлении и наказании".

В этом романе совесть является в виде мешанины в рваном халате и похожего на бабу, который первый раз приходит к Раскольникову с удивительно тихим и глубоким звуко сочетанием убивец, а потом, еще более страшный, потому что иронический, кланяется ему до земли и просит прощения за злые мысли,